

УДК: 336.741.282.1

JEL: A 10 (11,19); 30; E 50; Z12

Александр Шаров

СВЕТ И ТЕНЬ САКРАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ДЕНЕГ

Статья посвящена анализу сакральной теории денег, которая по сравнению с другими теориями довольно редко рассматривается иностранными авторами и фактически совсем не представлена в отечественной научной литературе. Однако сакральная теория является одной из самых давних попыток объяснить существование денег и денежных отношений их сверхъестественным происхождением. В одном случае речь шла о божественной воле, которая установила такие отношения в пользу человечества, в другом – об их происхождении от злых потусторонних сил, в результате чего возникала демонизация денег и восприятие их причиной и воплощением всякого зла. Современные авторы (Б. Лаум, Б. Лиетар, А. Семенова и т.д.) обращают внимание на то, что причиной появления первых денег могли быть не торгово-обменные потребности (неудобство бартера и запрос на товар-посредник), а ритуальные практики древних религий. С появлением христианства всё отчетливее проявлялась другая сторона отношений к деньгам как к сакральному явлению – их осуждение и демонизация, что имело корни в нравственной доктрине апостолов и ранних богословов.

Непосредственно сакральная теория денег продолжает существовать и в наше время, а её постулаты часто базируются на восточных верованиях (например о "небесных началах" – Инь и Ян) и ритуальной практике (в частности, в Китае и странах Юго-Восточной Азии).

По мнению автора, сакральность денег заключается на самом деле не в их божественном, а человеческом происхождении, ведь деньги – несмотря на все утверждения христоматоев – "ненавистников денег" – это не причина и воплощение всех негативных явлений, а отражение социально-экономических отношений между людьми. И качество этих отношений зависит только от самих людей, от их соответствия сакральному, божественному образу.

Шаров Александр Николаевич (SharovA@nas.gov.ua), д-р экон. наук, проф.; главный научный сотрудник ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины". ORCID 0000-0001-8460-9996

Статья подготовлена в рамках работы по ведомственной НИР "Глобализационные процессы в мировой экономике: вызовы и возможности для Украины" (государственный регистрационный номер 0118U001485).

Цитирование: Шаров А. Н. Свет и тень сакральной теории денег. Экономическая теория. 2021. № 1. С. 86–105.

© А. Шаров, 2021

Знание сакральной теории позволяет лучше понять историю и логику развития денежной теории, включая ее современные концепции.

К л ю ч е в ы е с л о в а : деньги, сакральность, демонизация, Инь и Янь.

LIGHT AND SHADE OF THE SACRED THEORY OF MONEY

Sharov Alexander, Dr. hab.(Econ.), Professor; Chief Researcher of the Institute of Economics and Forecasting of the National Academy of Sciences of Ukraine.
ORCID 0000-0001-8460-9996. E-mail SharovA@nas.gov.ua.

The article is devoted to the analysis of the Sacred Theory of money, which, in comparison with other theories, is quite seldom considered by foreign authors and in fact is not represented at all in the domestic scientific literature. Meanwhile, the sacred theory is one of the oldest attempts to explain the existence of money and monetary relations by their supernatural origin. In one case it was about the divine will, which had established such relations in favor of mankind, in another one – about their origin from the evil otherworldly forces, resulting in the demonization of money and their perception as the cause and embodiment of all evil. Modern authors (B. Laum, B. Lietaer, A. Semenova, etc.) note that the reasons for the appearance of money was probably not be needs of trade and exchange of goods (the inconvenience of barter and demand for a medium of exchange) but ritual practices of ancient religions. With the advent of Christianity, another side of the attitude to money, that is, the attitude as to a sacred phenomenon, showed more and more clearly, involving its condemnation and demonization, which was rooted in the moral doctrine of the apostles and early theologians.

At the same time, according to the author, the sacredness of money is, in fact, not of divine but of human origin, because money - despite all the claims of chrmatophobes ("haters of money") is not the cause and embodiment of all negative phenomena, but a reflection of relationships between people. And the quality of these relations depends only on people themselves, on their conformity to the sacred divine image.

Knowledge of the Sacred Theory allows a better understanding of the history and logic of the development of monetary theory, including its modern concepts.

Key words : money, sacredness, demonization, Yin and Yang.

Деньги отнесены к сфере экономики; в редких работах они рассматриваются в контексте других наук. Остается думать, что все знают об этом предмете слишком много, чтобы рисковать говорить о нём, что "эти деньги, которые представляют, – по выражению Эрнста Юнгера, – одну из самых больших тайн в мире", заключают в себе слишком много секретов наших обществ, чтобы открыто рассказать о них.

*С. Московичи. Машина, творящая богов
Moscovici S. La machine a faire des dieux*

Практически все объяснения явлений и событий, окружающих человека в природе и общественной жизни, сначала базировались на его религиозном мировосприятии, на его вере (даже – уверенности) в существовании потусторонних, высших сил, которые и выступают создателями всех элементов окружающей среды. Это вполне справедливо и для экономических отношений, в частности

денежных. Имеется в виду существование – и с довольно древними корнями – сакральной теории денег.

Зато в нашей (и вообще постсоветской) научной литературе об этой теории упоминают очень редко, а её описание практически отсутствует (несмотря на то, что ей, в отличие от многих других денежных теорий, в справочнике кодов универсальной десятичной классификации назначен отдельный код. К сожалению, примером хотя бы простого упоминания можем назвать лишь статью профессора Волынского государственного университета А. Евтуха (причём в зарубежном издании) (Евтух, 2006). Не говоря уже о том, что она совсем не упоминается в учебной литературе.

Итак, **цель** данной статьи заключается в попытке восполнить пробел, наличие которого не позволяет ни студентам, ни учёным понять ту парадигму верных и ошибочных представлений, в рамках которой возникла современная монетарная теория (и без того искажённая преувеличенным и чрезмерным вниманием, которое всё ещё уделяется марксистской интерпретации хриматогенеза).

В основе теорий, основанных на сакральной концепции, лежат религиозные верования, а "все известные религиозные верования, будь то простые, будь то сложные, имеют одну общую характеристику: они предполагают классификацию всех вещей, реальных и идеальных, о которых люди думают, на два класса или противоположные группы, как правило, обозначенные двумя отдельными терминами, которые хорошо переводятся словами: профанное и сакральное (*profane, sacré*). Это деление мира на две сферы: первая, содержащая всё священное, другая – всё профанное, являющееся отличительной чертой религиозной мысли. (...) Причём, круг сакральных предметов невозможно определить раз и навсегда. Он меняется бесконечно, в зависимости от различных религий" (Durkheim, 2012). Но деньги, – как писал основатель французской социологической школы Э. Дюркгейм (*David Émile Durkheim, 1858–1917*), – достаточно часто считаются священными. И действительно, возможно, некоторые вещи нельзя купить за деньги, но даже это утверждение ставится под сомнение, когда за деньги покупается и продаётся жизнь (например, дети, суррогатное материнство), смерть (убийство по заказу, аборт), "любовь" (выкуп невесты, проституция), престиж (публичность, политические кампании) и даже бессмертие¹ (религиозные взносы, филантропия) (Belk, Wallendorf, 1990. P. 36).

¹ "Психологи, представляющие прежде всего гуманистическую тенденцию, давно подчёркивают, что накопление денег и материальных благ может быть результатом желания человека преодолеть страх перед неизбежностью смерти. Аналогичный взгляд на значение символической природы денег можно найти в работах авторов теории управления ужасом (Terror Management Theory – TMT). Теория заключается в том, что осознание собственной смертности порождает непосильный ужас, с которым люди сталкиваются, строя

Немецкий историк Б. Лаум (*Bernhard Laum*, 1884-1974) в своём исследовании "Святые деньги: Историческое исследование священного происхождения денег" (которое впервые было опубликовано в 1924 г.), исходил из вполне обоснованного положения, что история денег должна привязываться к условиям и месту их возникновения, то есть, насколько это нам известно, к эллинистической культуре Малой Азии середины VII ст. до Р.Х., с учётом влияния на неё халдейско-вавилонской традиции. Анализируя отношения тех времён, сравнивая их с древнеиндийскими традициями и римским влиянием на дальнейшее развитие, Б.Лаум приходит к выводу, что генезис денег берёт начало почти исключительно в области сакральных явлений (или тесно связанных с ними), откуда позже денежные отношения перешли в повседневную жизнь. То есть, поскольку первоначальный культ является источником первоначального публичного права, то и деньги, таким образом, имеют культовое (сакральное) происхождение (*Laum*, 2006. Р. 160).

Вывод о сакральности (*священности, святости*) денег для глубоко религиозного общества (каким оно было во времена появления первых денег) представляется вполне логичным.

Однако идея божественного происхождения денег, или **деичная теория** (от лат. *Dei* – Бог), имеет, скорее всего, самое древнее происхождение. Даже слово "богатство" происходит от старославянского "bogъ" – то есть "бог". Аналогично образовалось латинское "*dīves*" (богатый) – это "тот, к кому благосклонны боги". Одного корня оказываются и слова "*divinus*" (божественный) и "*divitae*" (богатство). Подобную ситуацию можно найти и в других древних языках.

Это указывает на то, что процесс сакрализации денежных отношений начинается задолго до появления металлических денег и чеканки первых монет. Для понимания логики этого процесса необходимо окунуться в древнюю историю, по крайней мере во времена появления первобытного культа Великой Матери – прародительницы всех людей. И её логическим символом часто становится другая "кормилица" человечества – корова (которую с переходом к патриархату заменяет бык). Как отмечают исследователи, скот сильно связан с женским архетипом плодородия и достатка до тех пор, пока человеческая память или артефакты могут проследить его (*Lietaer*, 2000. Р. 42).

свою самооценку и отождествляя себя с важными ценностями (культурными, религиозными и т.д.). Эти ценности являются своеобразным защитным буфером, предлагающим человеку ощущение смысла существования и безопасности. Похоже, что в современном западном мире деньги и материальные блага являются частью большой стоимостной системы. Деньги позволяют повысить социальный статус, а также воспринимаются как символ силы, могущества. В этом смысле они предлагают защиту от экзистенциального страха. Например, в экспериментальных исследованиях на сегодняшний день было установлено, что в условиях возбужденного страха перед смертью люди проявляли о большую жадность и большие финансовые ожидания, а также в большей степени проявляли потребительские и материалистические взгляды" (*Zaleśkiewicz* 2012. S. 118–119).

Даже при несомненных патриархальных культурах, таких как у греков, ранние деньги символически всё-таки были привязаны к культам Богини.

Отношения между человеком и богами в древности можно описать как приношения и ожидания взамен различных благ – хорошей погоды, богатого урожая, защиты от болезней и вторжения завоевателей. При этом некоторые исследователи считают, что дары богам были благодарностью за уже полученные блага. Таким образом, в этих отношениях можно увидеть признаки бартерного обмена между человеком и богами и сделать вывод, что именно этот "священный обмен", а не торговый рынок, дал толчок утверждению быков как меры стоимости и единицы расчётов. В ритуальной трапезе в храме принимали участие все члены общества, включая рабов, и такое участие рассматривалось как принадлежность к определённому обществу (племени, общине, государству). Во время трапезы участники получали мясо принесённых в жертву быков, а количество и качество мяса было своеобразной "компенсацией" за вклад в общее дело. Так происходило движение материальных (пищевых) излишков от членов общества в храм в виде жертвоприношений богам и дальнейшее перераспределение части этих излишков при ритуальной трапезе.

Пропорциональное распределение мяса жертвенных животных во время ритуальной трапезы назывался "*nomos*". Позже этим словом стало обозначаться всё, что передавалось, перераспределялось и продавалось на основе договора. Это подтверждает связь между религиозными ритуалами и централизованным распределением в целом и институтом денег ("*nomisma*") в частности.

Ещё один аргумент, подтверждающий религиозно-обрядовое происхождение денег, связан с тем, что железные вертела или шампуры, которые назывались "*obelos*", использовались для распределения запечённых порций мяса среди участников ритуала. Очевидно, что от "*obelos*" пошло название греческой серебряной монеты VI в. до Р.Х. оболы ("*obolos*"). Другая, большей стоимости, монета того же периода – драхма ("*drachma*") – сначала означала шесть железных вертелов, или шесть "*obelos*". Кроме того, на многих ранних лидийских и греческих монетах имеются изображения быка или бычьей головы. Б. Лаум считал, что **запечённое жертвенное мясо, которое распределялось среди участников ритуала как оплата государством их вклада в виде пожертвований, было первой формой денег**. Когда же появились монеты ("*obolos*"), они символически представляли собой порции мяса быков ("*obelos*"), распределяемого среди участников ритуала.

Но это было лишь одно направление хриматогенеза. Как отмечал Т. Брже-ски (Tadeusz Brzeski, 1884–1958) – профессор, а позже и ректор Варшавского университета – в частноправовых отношениях рогатый скот становится платёжным средством в вергельде (плате за убитого человека), который, по словам Б.Лаума,

происходит от жертвы, направленной на успокоение духа убитого человека, а не по утилитарным причинам для возмещения вреда. Там же выплата скота за похищение женщины, а затем и за согласие отца на брак – это происхождение из вергельда, то есть косвенно из религиозной сферы. Наконец, это касается также выкупа людей, которые попадают в плен. В одном месте (*Laum*, 2006. S. 73–74) автор выражает утверждение, которое следует подчеркнуть как характерное выражение этой тенденции: выделяются два круга обращения товаров; один из них – это светская ротация, и в ней есть полная свобода, каждый оценивает товары эмоционально и эгоистично; второй – это священный оборот, подлежащий обязательным и строгим правилам по количеству и качеству услуг.

Материальные блага, используемые в священных жертвоприношениях, то есть "священные деньги", дематериализуются. В VII и VI веках до н.э. принято приносить в жертву богам вместо настоящих животных изображения, обычно изготовленные из ничтожного материала. Таким образом, по словам Б.Лаума, эти "деньги" теряют значение вещества и получают только функциональное значение. Действительно, этот процесс дематериализации заканчивается довольно быстро, когда появляются ральцы (жертвенные подношения) из ценного материала, такого как золото или серебро (*Brzeski*, 1928. S. 190).

Эти редкие металлы² предназначались прежде всего богам как пожертвование ради прощения грехов. Такой выбор материала обуславливался их физическими и химическими свойствами, прежде всего блеском, в результате чего они с давних времён считаются "солнечным" (золото) и месячным (серебро) металлами, а точнее металлами соответствующих божеств. В частности, древние египтяне считали золото кожей бога солнца (Ра), а ацтеки – слезами бога Солнца (Уицилопочтли). То есть, как и в случае с "деньгами-скотом" – священным сначала признаётся будущий монетарный материал, а потом уже сакральность распространяется непосредственно на деньги.

Ранние лидийские монеты изготавливались из электрума, природного сплава золота и серебра, состав которого был крайне неоднородным, так что чистота и вес монет и, соответственно, проба металла, то есть действительная стоимость монеты, не могли быть фиксированы и гарантированы. Таким образом, ранние монеты не предназначались для коммерческого оборота, а изображение быка на монете не гарантировало коммерческой ценности монеты, поскольку служило лишь символом жертвенного вклада в пользу государства-храма.

Это также объясняет, почему ранние лидийские и греческие монеты чеканились на территории, принадлежащей храмам, и под покровительством жре-

² "Что касается драгоценных металлов (серебра и золота), то фактом является общая жажда обладания ими, возможно, потому, что она происходит от религиозных верований, которые рассматривают их как символы божеств" (*Brzeski*, 1928. S. 198).

цов. Так же эквивалентом государственного банка в Афинах была официальная "Храмовая казна", считавшаяся под охраной богини Афины, которой и принадлежали сокровища. Известны случаи (например, при Пелопонесской войны 431–404 гг. До Р.Х.), когда афинянам потребовались дополнительные деньги для финансирования военных операций и они "одолжили" их у Афины с обещанием вернуть их как можно быстрее (*Lietaer*, 2000. S. 46).

Итак, Б. Лаум утверждает, что не рыночный обмен, а отношения между людьми и их божествами, а именно религиозные практики, привели к тому, что быки стали мерой стоимости и средством расчётов в Древней Греции, явившись прообразом денег в виде монет. Древние греческое и лидийское общества формировались под определяющим влиянием религии. Археологические раскопки позволили сделать вывод, что в VIII веке до н.э. в греческих городах-государствах местонахождение главы города трансформируется в храмовое пространство, где происходят приношения богам, а функции жреца выполняет сам глава города. Благополучие архаического города связывалось с принесением даров божеству-покровителю, бык становился самым престижным и значительным животным для жертвоприношения.

Тот самый Б.Лаум, ссылаясь на известный факт штамповки серебра в Вавилоне, заявлял, что в Древней Греции штамп был печатью с магическим значением, поскольку он указывал на связь с божеством; что он означал собственность божества относительно куска металла и должен был предотвратить его нарушение (например, подделкой). Это объяснялось тем, что храмы, имея большие запасы драгоценных металлов, занимали их с целью расширенного воспроизводства, поэтому они хотели обеспечить их возврат (*Brzeski*, 1928. S. 193).

Связь денег с религиозными ритуалами и сейчас можно легко найти на Востоке – в Китае и странах Юго-Восточной Азии, в которых распространено использование т.н. "призрачных", или "спиритуальных" денег (*ghost*, или *spirit money*), известных также как *Joss paper* – которые являются лишь имитацией денежных знаков для сжигания во время ритуальных церемоний чествования душ умерших родственников как пожертвование богам, духам или душам умерших (*Kwon*, 2007. P. 73).

В нескольких других культурах также есть чёткие мифологические доказательства того, что женские архетипы сначала были связаны с золотой валютой. Например, египетскую богиню-корову Хатор называли "Золотой"; так же, как Лакшми, индуистскую богиню изобилия и богатства, до сих пор называют "богиней золота". Древние исландские легенды об Эдде аналогично описывают Гульвейду как "золотую богиню", золотое богатство которой стало объектом войны между двумя племенами воинов - асами и ваннами (которая считалась первой войной в мире). Даже слово "монета" происходит от названия римского храма Юноны Мо-

Хремил (старец-земледелец): О, Небо! А теперь скажи мне, почему Зевс властвует над всеми другими богами?

Карион (раб): Я знаю! Из-за всех денег, которые он получил. У него больше, чем у всех других богов.

Хремил: Совершенно верно. А теперь скажи, кто его всем этим снабжает?

Карион (указывая на Плутоса): Этот парень делает!

Хремил: Совершенно верно!

Аристофан "Плутос (Богатство)"

Таким образом, в античном мире появление денег была тесно связано с необходимостью религиозных властей контролировать поступление излишков. Иными словами, деньги становятся механизмом распределения экономического излишка и установления справедливости. А. Семенова (Alla Semenova) из Американского университета братьев Райт (штат Огайо) объясняет появление денег - это "нашего нового Бога": "[В Древней Греции] деньги появились в контексте [...] социально-экономических иерархий и неравенства. Деньги впервые были воплощены в порциях плоти жертвенного быка, которая распределялась религиозными властями во время ритуалов совместной жертвенной трапезы. Намереваясь выделить каждому свою "справедливую" и "равную" долю, ритуалы перераспреде-

Интересно, что раковина каури также связана со смертью, поскольку её "полезный срок" как денег начинается после смерти её первоначального жителя (моллюска). Они появились в погребальных орнаментах ещё во времена палеолита. Известный французский археолог Аббе Брейль объяснил их присутствие в гробницах так: "Они связывают смерть с космологическими принципами воды, месяца, женского пола и возрождения в новом мире". В случае, если всё-таки возникнут сомнения относительно связи между раковиной каури и архетипом женской фертильности, мы можем вернуть полный круг к более раннему примеру скота. Действительно, слово "корова" (англ. – "cow") происходит от санскритского "*gau*" и египетского "*kau*". А оригинальные названия раковины, которая известна как каури ("*cowrie*"), соответственно, "*gaurie*" и "*kaurie*" (Lietaer, 2000. S. 44).

ния создавали фасад социальной справедливости и равенства, используя деньги (Semenova, 2011. Р. 400). Аристотель, в своей "Никомаховой этике" указывал, что деньги (χρῆμα) переходят или от одного лица к другому, или от отдельных лиц в фонды полиса (государства), и в этом последнем случае они считаются священными (Мутсопулос, 2016. С. 134).

.....
 "В очень старой и очень редкой теперь книге, изданной в 1554 году во Франции, говорится, что деньги придумал ... Адам. В книге приводится описание монеты Адама и даже её рисунок".

Елизаветин Г.В. Деньги

Как писал И.Ф. Богданович – известный поэт XVII века, украинский шляхтич из Киевской губернии (чьи земли пошли в своё время на дно Днепродзержинского водохранилища):

Божественный металл, красящий истуканов,
 Животворящая душа пустых карманов,
 Подпора стариков, утеха молодых,
 Награда добрых дел, нередко и худых,
 Предмет воюющих, порой живущих мирно
 И досаждение тех, у коих брюхо жирно,
 Здоровья, бодрости и силы подкрепитель,
 Сподручник счастья, свободы искупитель,
 Магнит торгующих и бог ростовщиков,
 Разумных добрый вождь и гибель дураков,
 О деньги, к вам стихи писать предпринимаю,
 Но, муза, не тебя я в помощь призываю...

А ещё раньше В. Шекспир в "Тимон Афинский" устами своего героя обращается к деньгам непосредственно как к божеству:

О золото, какой ты бог могучий,
 Коль даже в этом храме, что грязнее
 Свиного хлева, молятся тебе!
 Да, это ты морскую пену пашешь,
 Ведёшь суда, почтение внушаешь
 К рабам презренным. Будь и дальше чтимо...

Перевод Н. Мелковой

В средневековые Блаженный Августин исходил из христианско-мифологического представления о том, что Бог распространяет свою абсолютную власть не только на природу и индивидуальную человеческую жизнь, но и на все без исключения события коллективной жизни (Базулин, 2008. С. 93), а следовательно, "денежные отношения" – от Бога.

В более поздние времена такой подход перекликался с веберовской оценкой накопления денег как результата соблюдения требований протестант-

ской этики. В частности, он упоминает об идее "профессионального призвания" (*beruf*) Мартина Лютера – когда профессия рассматривается не только как средство добывания средств к существованию, а как данное Богом призвание, то есть когда людей призывают работать не ради денег, а ради Бога. Которые, таким образом, если и не отождествляются, то ставятся в один логический ряд.

Отголосок понимания сакральной природы денег можно найти и в факте чеканки на серебряных "ефимках" времён российского императора Павла Первого надписи: *"Не намъ, а не намъ, а имяни Твоему"*. Конечно, нумизматы могут сразу возразить, что эта надпись, во-первых, есть только девизом тамплиеров, потомками которых, в определённом смысле, были рыцари Мальтийского Ордена, почётным магистром которого как раз и выбрали Павла Первого. Кроме того, это сокращенная цитата 9 стиха 113 псалма Давида: *"Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей"*. Впрочем, по нашему мнению, размещение такой надписи именно на деньгах невольно намекало на то, благодаря чьему имени деньги получают свою силу.

Вспоминают о сакральности денег и в наше время. В частности, первый руководитель Европейского банка реконструкции и развития и совместно философ-визионер Жак Аталла, в своей книге *"Евреи, мир и деньги"* (Attali, 2002) не только вспоминает попутно "золотого тельца" как божество, но и утверждает, что евреи дали миру единого Бога и деньги, что именно они сделали деньги уникальным и универсальным инструментом обмена, точно так же как Бога – уникальным и универсальным инструментом преимущества (опять таки, ставя их в один логический ряд) и фактически приравнивает служение деньгам к служению Богу.

Другой француз, социальный психолог Серж Московичи (не путать с министром финансов Франции Пьером Московичи) писал: *"Деньги становятся на некоторое время горнилом, в котором их реальность подвергается преобразованию. Всемогушество денег роднит их с представлением о Боге"* (Московичи, 1998. С. 412). И, опять же, француз М. Лабордье, как мы уже упоминали выше, как раз в результате таких впечатлений утверждал, что человек не в силах познать, что такое деньги, так же, как и что такое Бог – прямо указывая на онтологическое родство этих двух понятий.

Подвести итог сказанному выше по поводу божественной сущности денег лучше всего, пожалуй, можно словам российского исследователя А. Никитина: *"[К]огда мы говорим о божественном в деньгах, то имеем в виду два явления, которые сложились исторически: во-первых, когда-то существующее свойство денег служить средством божественного прощения, институализированное в традиционном обществе; во-вторых, наличие в деньгах ценностно-нормативной функции, аналогичной оценочно-регулятивной функции божественного образа,*

которая определяет иерархию реальности во всем её многообразии. Второе явление возникает в момент утверждения в деньгах универсального эквивалента, в котором одновременно присутствуют инструментальные свойства быть средством обмена, мерой стоимости, средством накопления богатств и средством платежа. Оно усиливается после того, как деньги прекращают воплощать материальное значение, а становятся виртуальной информацией, с помощью которой осуществляется экономический процесс. В результате денежный мир становится своего рода сверхреальностью, которая оценивает земное существование человека. Новый образ денег при этом органично включает в себя все те функции, которые сложились ещё в традиционном обществе" (Никитин, 2014 С. 109).

Но сакральность денег отнюдь не сводится к их божественному происхождению. Дело в том, что священное чрезвычайно мощное, и эта сила может проявляться двумя очень разными способами. Хорошие священные силы - это ассоциации, связанные с богами, покровителями и святынями, тогда как злые священные силы содержатся в трупах, болезнях и нечистых предметах. Что приводило к противоположной оценке природы денег с точки зрения морали, но не отменяло постулата об их сверхъестественной, потусторонней силе. Отсюда возникает вторая, в определённом смысле – противоположная теория сакральной концепции – **демоническая теория денег**.

Традиция рассматривать драгоценные металлы, а затем и золотые (серебряные) деньги как порождение злой, нечистой силы, также имеет древнее происхождение. Как объяснял З. Фрейд, архаичный образ мышления во всех своих проявлениях постоянно приводил к выявлению теснейшей связи между деньгами и нечистотами: так оно есть в древних культурах, в мифах и сказках, в суеверных обычаях, в бессознательном мышлении, в сновидениях и при психоневрозах. Дьявол дарит своим любовницам золото, а после его ухода оно превращается в куски кала ... Уже согласно раннему вавилонскому вероучению – "золото только адские испражнения – *Mammon = ilu man-man*" (по-вавилонски *man-man* – это эпитет Нергала, бога подземелья) (Freid, 1053. Р. 49–50). Объяснение логики такого утверждения можно найти у Сократа, который вспоминает, что имя бога богатства Плутоса означает "дарит богатство", а богатство якобы выходит из подземелья. Это со своей стороны связано с определёнными сложностями древней мифологии, в которой запутались сами греки: со временем они начали отождествлять Плутоса (*Plutos*) и Плутона (*Pluto*) – бога подземного царства, а его с Аидом или Гадемом – богом невидимого царства умерших (которое, таким образом, оказывается под землей) (Seery, 1996. Р. 57). При этом путаница возникает не только с богами, но и с богатством: видимым (материальные блага) и невидимым (деньги). Для нашего исследования важно, что драгоценные металлы,

которые происходят из подземелья, становятся порождением тёмных сил – которых бояться и от которых не ждут добра.

В средние века деньги вообще не назывались одним словом – ни на латыни (чаще всего, *rescupia* или *denari*), ни на местных языках (на французском – *monnaie*, *denier*, *rescune*), поскольку деньги тогда были менее важны, чем во времена Римской империи (ситуация начнёт меняться только в XVI, и особенно в XVIII веке). Поскольку использование денег неизбежно связывалось с соблюдением религиозных и этических правил, то следует указать на то, что в Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова [31: 5] сказано: "Кто любит золото, не будет прав...". В латинской версии эта мысль высказана ещё более определенно: "Кто любит деньги, вряд ли избежит греха". А апостол Павел в первом послании к своему ученику Тимофею объясняет: "Ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям" [1 Тим 6:10]. С этого лишь косвенно можно сделать вывод о том, что деньги являются порождением нечистой силы (поскольку любовь к "божьему творению" не может приводить к беде и греху).

Главный иконографический символ денег в средние века – кошелёк на шее богача, который тянет его в ад. Его изображение можно найти в скульптурах и росписях церквей. О нём говорится и в разделе "Ад" в "Божественной комедии" Данте. Впрочем, прямого утверждения о "нечистом происхождении" денег в христианских текстах нет, а общее отношение к богатству постепенно начинает меняться – особенно в протестантской среде. Главным вопросом становится не происхождение денег вообще, а то, каким образом верующие их получают и используют.

В этом контексте можно вспомнить легенды о "неразменной монете", которая притягивает к кошельку хозяина чужие деньги. Представляется, что такая легенда о "дьявольском талере" (или "размножающемся талере" – *Hecktaler*, он же "закрытый", инклюзивный талер – то есть талер, в котором "сокрыта" магическая сила) пришла из немецких земель к полякам, которым такие деньги известны как *moneta*, *inkluz*, *ankluz*, а дальше к галичанам и гуцулам (*инклюз*, *анталюз*, *манклюз*), белорусам и, наконец, русским ("неразменный рубль"). Во всех случаях получение таких денег предусматривало определённую сделку с нечистой силой (от домовых до самого Сатаны) (Хобзей, 2002. С. 112–114; *Dźwigoł*, 2004. S. 16–17; Белова, 2013).

Определённый намёк на дьявольское происхождение денег (но только бумажных денег!) можно найти во второй части "Фауста" Гете.

Означенный купон —
 Ценою в тысячу имперских крон.
 Бумаге служат в качестве заклада
 У нас в земле тающиеся клады.

Гёте. Фауст, часть вторая

Как понятно из текста, Рафаэлю удаётся выпуск по сути ничем не обеспеченных бумажных денег (поскольку клады ещё не найдены). Один из исследователей творчества Гёте, швейцарский политэконом Г. Бинсвангер (*Hans P. Binswanger-Mkhize*, 1943-2017) считал, что Гете показал, что современная денежная экономика – это удлинение алхимии ("дьявольской науки") другими средствами" (*Binswanger*, 1994).

Поэты вообще часто воспринимают деньги очень эмоционально негативно. Так, советские поэты то отождествляли деньги с "жёлтым дьяволом" (В. Маяковский), то требовали "убрать Ленина с денег" (А. Вознесенский), намекая на их не совсем "благонадёжное" происхождение.

Поэты не только восхваляли деньги, но и проклинали их:
 Das Geld! Das Geld! Es ist der Teufel – Деньги! Деньги! Это дьявол!
Ein Kind der Hölle sicherlich – Исчадие ада, конечно
Ein Fluch der Menschheit ohne Zweifel – Это проклятие человечества, бесспорно

Неизвестный автор

(*Fliegende Blätter*, humoristische deutsche Wochenschrift, 1845–1944)

Stillich O. Geld und Bankwesen: ein Lehr- und Lesebuch. Berlin, 1914, с. 17.

Из биографии Габриэля Маркеса широко известна оценка денег, которая, по сути, повторяет языческое (вавилонское) утверждение и которую он как-то высказал своим друзьям. И это даже побудило Папу Римского Франциска отойти от канонической трактовки денег католической доктриной, и на встрече с членами итальянской Конфедерации кооперативов лишь немного смягчить слова колумбийского поэта (заменив *excremento* на *estiércol*), так чтобы получилось: "Деньги – это помёт дьявола" (*Papa Francisco*, 2015).

"El dinero es el excremento del diablo"

Gerald Martin. Gabriel García Márquez. Una vida

Канадский исследователь Тамаш М. (*Mircea Alexandru Tamas*) (Tamas, 2014) утверждает, что сегодня "деньги – это чёртов глаз". Он напоминает, что Гёнон Г. (*René Guénon*, 1886–1951) – известный французский эзотерик и метафизик, основатель современного интеллектуального течения "философского традиционализма" – написал (1945 г.) о том, как концепция "денег" пришла в упадок ... Сегодня, спустя полвека, вырождение, описанное Р.Гёноном, достигло своего пика, о чём свидетельствует нынешний "экономический кризис" и периодические "меры спасения" (*bailouts*), кризис, который опровергает абсурдную теорию

"постоянного прогресса". Кроме многочисленных политических, психологических и социальных последствий ..., кризис подкрепил уже известный факт: деньги превышают всё остальное, а современный мир громко признал, что нет ничего, более важно, чем деньги, что современный менталитет не может представить жизнь без денежного рабства и денег как главного стремления, делает "меры спасения" жизненно важными для поддержания этого недостойного ("профанного") и бесчеловечного образа жизни.

"Качественное вырождения всех вещей тесно связано с тем же явлением, которое происходит с деньгами, о чём свидетельствует тот факт, что в настоящее время "стоимость" любого объекта обычно "оценивается" только с точки зрения его цены, которую рассматривают просто как "цифру", "сумму" или числовое количество денег; на самом деле, у большинства наших современников каждое суждение о каком-то объекте почти всегда базируется исключительно на том, сколько он стоит. Слово "оценка" подчёркнуто, поскольку оно само по себе имеет двойное значение – качественное и количественное; сегодня первый смысл был утрачен из поля зрения, или означает то же, и, таким образом, следует, что не только "стоимость" объекта "оценивается" в соответствии с его ценой, но "стоимость" человека "оценивается" в соответствии с его богатством" (*Guénon*, 2004. Р. 110).

Наличие двух диаметрально противоположных точек зрения закономерен приводит к поиску компромисса, определённой "золотой середины", которая в нашем случае представлена дуалистической по своей сути интегральной теорией денег. Попытки двоякой трактовки сути и ролей денег – положительной или отрицательной – в зависимости от намерений и средств их использования людьми также имеют давнюю традицию. Достаточно обратить внимание на то, что основные религиозные доктрины подходят к трактовке денег дуалистично: они не указывают на их происхождение от благих или злых сил, но обращают внимание на то, что сами деньги (точнее, отношение к ним людей) может иметь как положительные, так и отрицательные последствия.

Вполне логично, что это отражалось в рамках различных дуалистических мировоззренческих концепций. Негативное отношение к деньгам в манихейском учении, которое зародилось на Ближнем Востоке ещё в III веке (хотя проклятия на него направляются и в наше время; ополчились на манихейство и борцы с "жидомасонами": для этого пригодилось даже созвучие имени пророка Мани с английским словом "money" – мол, древний мистик стал предтечей нынешнего господства "жёлтого дьявола"). Но более подробно этот вопрос был разработан катарами⁴ – манихейскими еретиками в Западной Европе. Для них небесный

⁴ Для самоидентификации сторонники этого учения никогда не называли себя катарами, а использовали слова "Добрые люди" (фр. *Bons Hommes*) или "Добрые христиане". "Катарами" их впервые назвал немецкий аббат Экберт с Шонау (*Eckbert von Schönau*) в своем *ISSN 1811-3133. Экономическая теория. 2021. № 1*

мир, "царство", которым правит добрый Бог, был совершенным, а на земле правит Зло, а потому всё, что существует на земле, включая деньги, настоящие верующие должны отвергать. Впрочем, катары активно накапливали деньги (даже путём ростовщичества), хотя и держали их не в частной, а в коллективной собственности общины, руководство которой ("совершенные") использовало их для разрушения мира зла (Shulevitz, 2018). Манихейская ересь проявлялась также в православии (павликианы, богомолы), хотя украинский народный философ Г. Сковорода "подхватил" эту "болезнь" в западно-европейских университетах, лекции в которых он – тогда ещё студент Киево-Могилянской академии – имел возможность периодически слушать во время европейских путешествий генерала Ф. Вишневого (которого он сопровождал в качестве помощника в его миссии по закупке для царского двора знаменитого токайского вина – по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны). Сам он, конечно, отрицал свою склонность к манихейству, поскольку это грозило ему серьёзными неприятностями. Что ни говори, более двухсот пятидесяти лет назад Г. Сковорода написал, обращаясь к "молодому дворянству": "За золото можешь купить деревню, вещь трудную, как и обходимую, а счастье как необходимая необходимость даром везде и всегда дарится. Воздух и солнце всегда с тобой, везде и даром" (Сковорода, 1995. С. 53). Но, несмотря на это, его портрет размещён на украинской банкноте номиналом в 500 гривен (что некоторые, не без оснований, воспринимают как некое издевательство над идеями Г. Сковороды).

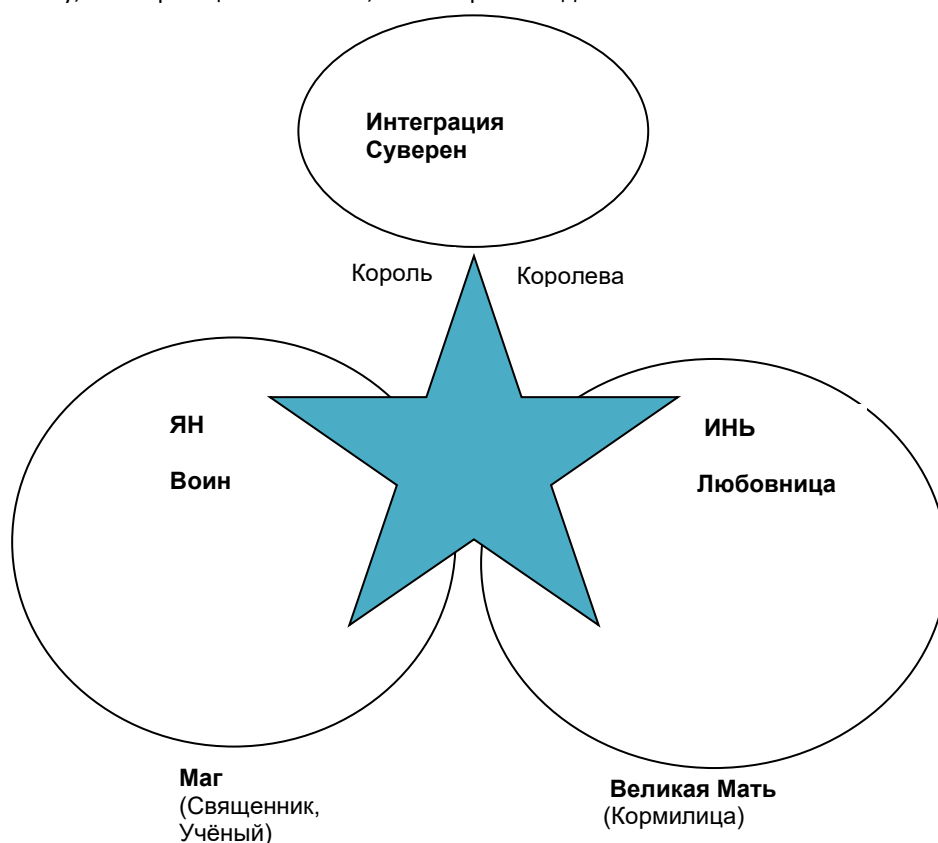
Мощное философское обоснование дуалистический подход к деньгам находит на Востоке, в частности в концепции Инь и Янь.

В древнекитайской философии Инь и Ян (китайской: 陰 - 陽 yīn – yáng, букв. "тёмно-ярко", "негативно-положительно") – это понятие дуализма, которое покаывает, насколько силы, которые с первого взгляда кажутся противоположными или противоречивыми, на самом деле могут быть взаимодополняющими, взаимосвязанными и взаимозависимыми, и как они могут порождать друг друга, когда они взаимосвязаны между собой. Согласно этой философии, всё имеет как Инь, так и Ян (например, тень не может существовать без света). Любой из двух основных аспектов может проявляться сильнее в конкретном объекте в зависимости от критерия наблюдения.

трактате *Sermones contra Catharos* ("Проповеди против катаров") в 1163 г. Со своей стороны он вывел слово "catharos" как сокращение от "catharistae" – "очистители", как называл одно из направлений манихейства св. Августин, имея в виду их желание "очистить" божественную силу от греховного тела (Harrison, 1991 P. 43).

Таким образом, термин *катары* приобрёл бранное значение и стал синонимом слова "еретик". Катаризм (альбигойская ересь) был осуждён католической церковью и уничтожен в ходе специального Крестового похода, объявленного папой Иннокентием III, в 1209–1229 гг. Но с XIX в., когда это учение начали изучать энтузиасты, которые в основном симпатизировали жертвам инквизиции, закрепилось выведение их названия от греч. καθαρός – чистый, что, конечно, не могло иметь места применительно к еретикам и не соответствует исторической действительности.

В попытке выразить этот плодотворный парадокс одновременного единства и двойственности был введён термин "дуалистический монизм" или диалектический монизм. Инь и Ян можно рассматривать как взаимодополняющие (а не противоположные) силы, которые взаимодействуют, образуя динамическую систему, в которой целое больше, чем собранные детали.

**Рисунок 1. Интегральные Ян- и Инь-функции
в архетипе человека**

Источник: Lietaer B. (2000). *Mysterium Geld: Emotionale Bedeutung und Wirkungsweise eines Tabus*. Munich: Riemann Verlag. S. 75.

В китайской космологии Вселенная создаётся из первичного хаоса материальной энергии, организованной в циклы Инь и Ян. Инь является пассивным, а Ян – активным началом, которое наблюдается во всех формах изменений и различий: зима и лето, свет и тень, женщины и мужчины ... В космологии, к которой принадлежат Инь и Ян, материальная энергия, из которой эта Вселенная создала себя, также называется *Ци* (кит. trad.: 氣, trad.: 气). Считается, что *Ци* в космологии Инь и Ян сформировала многие вещи. Среди этих форм – люди.

Это, соответственно, влияет и на экономические отношения – которые, по сути, являются одной из форм общественных отношений между людьми. А отсюда уже выдвигается идея двух типов денег (или валют), описанная уже упомянутым выше Б.Лиетаром:

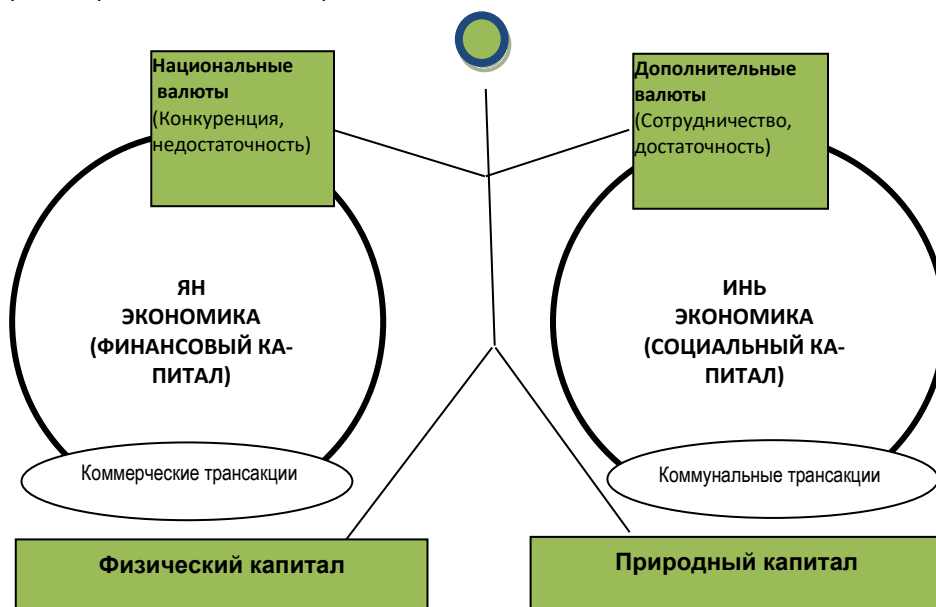

Рисунок 2. Интегральная экономика и Инь-Ян валютная система

Источник: Lietaer B. (2000). *Mysterium Geld: Emotionale Bedeutung und Wirkungsweise eines Tabus*. Munich: Riemann Verlag. S. 75.

Ян-валюта (*Yang currency*)⁵ – валюта, эмиссия которой основана на иерархии, которая поощряет накопления в виде денег и, как правило, создаёт конкуренцию среди их пользователей. Все обычные национальные валюты являются Ян-валютами, поскольку каждая из них демонстрирует эти особенности. Вот почему конкурентная экономика, которую они подпитывают, будет называться "экономикой Ян". Это, как правило, единственная экономика, признанная в обычных экономических учебниках.

В отличие от этого, **валюта Инь** (*Yin currency*) – это та, эмиссия которой основана на эгалитаризме, которая препятствует накоплению и поощряет сотрудничество между пользователями. Хорошо разработанные дополнительные валюты, как правило, активизируют экономику сотрудничества – "экономику Инь".

⁵ Кажется, не лишним будет предостережение от возможной путаницы: в английском написании Ян-валюта (*Yang-currency*) совпадает с валютой янг / нянг (*currency yang*), которая была денежной единицей Кореи в 1892–1902 гг., и не имеет отношения к дуалистической концепции. В корейском языке различные варианты написания её названия (кор. 럡 / 양 / 냡, 兩), так же, как название китайской единицы веса – лян (кит. 兩), от которой происходит название этой, валюты не совпадают с написанием термина Ян.

Эта "Инь-экономика" существовала неофициально вечно, как правило, в форме "подарочной экономики" (то есть без использования ни одной валюты). Подарочный обмен является одним из важнейших инструментов построения общества, и "валюты Инь" оказались более совместимыми с подарочной экономикой или даже поощряют их создание.

Б. Лиетар берётся утверждать, что "баланс между экономикой Инь и Ян необходим для функционирования действительно устойчивого общества. Вместе они создают то, что называется "интегральной экономикой" (Lietaer, 2000. S. 206).

Итак, действительно, "можно констатировать, что амбивалентность представлений о деньгах, в которых присутствует их обожествление и демонизация, вытекает из самой природы денег: с одной стороны, всемогущество денег роднит их с Богом, с другой стороны, свойство денег разрушать человеческую жизнь роднит их с дьяволом; с одной стороны, через них оцениваются все вещи и процессы, с другой стороны, они сами не имеют никакой ценности. Очевидно, для того чтобы деньги перестали восприниматься, как Бог или дьявол, они должны приобрести человеческую сущность, то есть отражать трудовую деятельность человека ..." (Никитин, 2014. С. 112).

Завершая наш обзор, обратим внимание на мнение о необходимости приобретения деньгами человеческой сути. На такой переход обращал внимание ещё К. Маркс, который отмечал в своих рукописях: "Извращение и смешение всех человеческих и природных качеств, братание невозможностей, – эта божественная сила денег – кроется в сущности денег как отчуждённой, отчуждающей и отчуждающейся *родовой сущности* человека. Они – отчуждённая *мощь* человечества" (Маркс, 1974. С. 146). Итак, сакральность денег заключается на самом деле в не божественном, а человеческом происхождении, ведь деньги – несмотря на все утверждения *хриматофобов* – "ненавистников денег" – это не причина и воплощение всех негативных явлений, а отражение социально-экономических отношений между людьми. И качество этих отношений зависит только от самих людей, от их соответствия сакральному, божественному образу.

Литература

1. Евтух А.Т. (2006). Суть денег через призму современных финансов. *Финансы и кредит*. № 6 (210). С. 14–21
2. Durkheim E. (1915). The elementary forms of religious life. London: Allen and Unwin. 456 p.
3. Zaleśkiewicz T. (2012). Symboliczna natura pieniędzy: ujęcie psychologiczne. *Chowanna*, tom specjalny. S. 109–121
4. Belk R.W., Wallendorf M. (1990). The Sacred Meaning of Money. *Journal of Economic Psychology* (North-Holland). No.11. P. 35–67. [https://doi.org/10.1016/0167-4870\(90\)90046-C](https://doi.org/10.1016/0167-4870(90)90046-C)
5. Laum B. (Januar 2006). Heiliges Geld: Eine historische Untersuchung über den sakralen Ursprung des Geldes. 206 s.

6. Lietaer B. (2000). *Mysterium Geld: Emotionale Bedeutung und Wirkungsweise eines Tabus*. 368 s.
7. Brzeski T. (1928). Początki pieniądza. *Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny*. No.8 (2). S. 188–200.
8. Kwon H. (Mar., 2007). The Dollarization of Vietnamese Ghost Money. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. Vol. 13. No. 1. P. 73–90. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9655.2007.00414.x>
9. Semenova A. (2011). Would You Barter With God? Why Holy Debts and not Profane Markets Created Money. *American Journal of Economics and Sociology*. No 70(2). P. 376–400. <https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.2011.00779.x>
10. Мутсопулос Э. (2016). Аристотель о моральных и экономических кризисах. *Вопросы философии*. № 5. С. 128–136.
11. Базулин Ю. В. (2008). Происхождение и природа денег. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета. 246 с.
12. Attali J. (2002). *Les Juifs, le monde et l'argent*. Paris: Fayard. 638 p.
13. Москвичи С. (1998). Машина, творящая богов. Москва: Захаров. 560 с.
14. Никитин А. П. (2014). Божественное и дьявольское в деньгах. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. №2 (26). С. 105–113.
15. Freud Z. (1953). Character and Anal Erotism. *Collected Papers*. Vol. 2. London: Hogart Press. 404 p.
16. Seery J. E. (1996). *Political Theory for Mortals: Shades of Justice, Image of Death*. Ithaca, New York: Cornell University Press. 240 p.
17. Хобзей Н. (2002). Гуцульська міфологія: Етнолінгвістичний словник. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ. 216 с.
18. Dźwigoł R. (2004). *Polskie ludowe słownictwo mitologiczne*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej. 224 s.
19. Белова О. В. (2013). Неразменный рубль в поверьях и магических практиках славян. *Антропологический форум онлайн*. № 18. С. 230–242.
20. Binswanger H. Ch. (1994). *Money and Magic: A Critique of the Modern Economy in the Light of Goethe's Faust Hardcover*. Chicago: University of Chicago Press. 144 pp.
21. Papa Francisco. (Febrero 28, 2015). El dinero es el estiércol del diablo. *La Nacion. El Mundo*.
22. Tamas M. A. (2014). *Money: The Evil Eye. René Guénon and Traditional Spirit*. Toronto: Rose-Cross Books. 230 p.
23. Guénon R. (2004). *The Reign of Quantity and the Signs of the Times*. Hillsdale, New York: Sophia Perennis. 300 p.
24. Harrison R. (1991). Eckbert of Schönau and Catharism: A Reevaluation. *Comitatus: A Journal of Medieval and Renaissance Studies*. Vol. 22. No1. P. 41–54.
25. Shulevitz D. (2018). Following the Money: Cathars, Apostolic Poverty, and the Economy in Languedoc, 1237–1259. *Journal of medieval Religious Cultures*. Vol. 44. No1. P. 24–59. <https://doi.org/10.5325/jmedirelicult.44.1.0024>
26. Сковорода Г. (1995). Пізнай в собі людину. Львів: Світ. 528 с.
27. Маркс К. (1974). Экономическо-философские рукописи 1844 г. *Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.* Изд. 2. Т. 42. Москва: Изд-во политической литературы. XXIV. 513 с.

Поступление в редакцию 19 декабря 2020

References

1. Evtukh, A. T. (2006) The sens of Money thought Modern Finance's Prism. *Finansy i kredit - Finance and Credit*, 6(210), 14-21 [in Russian].
2. Durkheim, E. (1915). *The elementary forms of religious life*. London: Allen and Unwin.
3. Zaleśkiewicz, T. (2012). The symbolic nature of money: psychological approach. *Hideaway special volume*, 109-121 [in Polish].
4. Belk, R. W., Wallendorf, M. (1990). The Sacred Meaning of Money. *Journal of Economic Psychology (North-Holland)*, 11, 35-67. [https://doi.org/10.1016/0167-4870\(90\)90046-C](https://doi.org/10.1016/0167-4870(90)90046-C)

5. Laum, B. (2006). Holy Money - A historical study of the sacred origins of money [in German].
6. Lietaer, B. (2000). The mystery of money: the emotional meaning and mode of action of a taboo. [in German]
7. Brzeski, T. (1928). Beginning of Money. *Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny*, 8 (2), 188-200 [in Polish]
8. Kwon, H. (Mar., 2007). The Dollarization of Vietnamese Ghost Money. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 13: 1, 73-90. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9655.2007.00414.x>
9. Semenova, A. (2011). Would You Barter With God? Why Holy Debts and not Profane Markets Created Money. *American Journal of Economics and Sociology*, 70 (2), 376-400. <https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.2011.00779.x>
10. Mutsopolus, E. (2016). Aristoteles on Moral and Economic Crises. *Voprosy Filosofii - Philosophy's Issues*, 5, 128-136 [in Russian].
11. Bazulin, Yu. V. (2008). The origin and nature of money. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta [in Russian].
12. Attali, J. (2002). *Jews, the world and money*. Paris: Fayard [in French].
13. Moscovici, S. (1998). *Machine that Creates Gods*. Moscow: Zakharov Press [in Russian].
14. Nikitin, A. P. (2014). Divine and Develish in Money. *Vestnik Tomskogo universiteta - Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2 (26), 105-113 [in Russian].
15. Freud, Z. (1953). Character and Anal Erotism. *Collected Papers*, 2. London: Hogarth Press.
16. Seery, J. E. (1996). *Political Theory for Mortals: Shades of Justice, Image of Death*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
17. Khobzey, N. (2002). Hutsul mythology: Ethnolinguistic dictionary. Lviv: In-t ukrainoznavstva im. I. Krypiakevycha NANU [in Ukrainian].
18. Dźwigoł R. (2004). Polish folk mythological vocabulary. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej [in Polish].
19. Belov O. V. (2013). Indispensable ruble in the beliefs and magical practices of the Slavs. *Anthropological Forum Online*, 8, 230-242 [in Russian].
20. Binswanger H. Ch. (1994). *Money and Magic: A Critique of the Modern Economy in the Light of Goethe's Faust Hardcover*. Chicago: University of Chicago Press.
21. Papa Francisco. (Febrero 28, 2015). Money is the devil's dung. *La Nacion. El Mundo* [in Spanish].
22. Tamas, M. A. (2014). *Money: The Evil Eye. René Guénon and Traditional Spirit*. Toronto: Rose-Cross Books.
23. Guénon, R. (2004). *The Reign of Quantity and the Signs of the Times*. Hillsdale, New York: Sophia Perennis.
24. Harrison, R. (1991). Eckbert of Schönau and Catharism: A Reevaluation. *Comitatus: A Journal of Medieval and Renaissance Studies*, 22:1, 41-54.
25. Shulevitz, D. (2018). Following the Money: Cathars, Apostolic Poverty, and the Economy in Languedoc, 1237-1259. *Journal of medieval Religious Cultures*, 44: 1, 24-59. <https://doi.org/10.5325/jmedirelicult.44.1.0024>
26. Skovoroda, H. (1995). *Get to know a person in yourself*. Lviv: Svit [in Ukrainian].
27. Marx, K. (1974). *Economic and Philosophic Manuscripts of 1844*. Marx K., Engels F. Works, 42. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, XXIV [in Russian].

Received in December 19, 2020